

Это случилось очень давно. Так давно, что самый старый удэ не помнит. Ему об этом рассказывал дед. А деду говорил его отец. Очень давно это было.

У одного охотника, Сольдига, умерла жена и оставила ему дочку по имени Эльга.

Похоронил Сольдига жену, погоревал, погоревал и женился второй раз. Взял женщину из рода Пунинга. И стали они жить втроём: Сольдига, жена его Пунинга и дочка Эльга.

Сольдига очень любил свою дочь. Делал разные игрушки: колыбельку, чумашки, мялку с колотушкой, чтобы кожу мять. Такие игрушки делал, чтобы привыкла Эльга к женской

работе.

А маленькая Эльга просила отца:

— Сделай мне нарты, лук, стрелы, копье!

Пунинга, услышав это, сказала:

— Зачем тебе игрушки мальчика?

Отвечает Эльга:

— Вырасту, буду отцу помогать на охоте!

— Вот ещё! — сказала Пунинга. — Не твоё это дело!

Посмотрел Сольдига на дочку, видит — смелая девочка у него растёт. Сделал он дочке игрушки: маленькие нарты, лучок-самострел, копье, маленького оленя из дерева вырезал. Ездовых собачек упряжку.

Увидела Пунинга, что не слушал её муж, и невзлюбила Эльгу. Стала обижать её, когда уходил отец на охоту. Терпела Эльга, отцу не жаловалась на мачеху, чтобы его не огорчать.

...Так жили они.

Вот однажды повстречал Сольдига кабана в тайге. Долго гнал его Сольдига. Совсем загнал. Ушёл в чашу кабан и залёг.

Шёл мимо амба — тигр. Он голодный был. На кабана наткнулся — и давай его рвать! Не разглядел Сольдига, кто там копошится — метнул в чашу копье. Проткнуло копье кабана и задело тигра.

Рассвирепел тигр и набросился на Сольдигу. Стал охотник говорить тигру, что не его хотел он убить, в кабана метил, да не стал его амба слушать и разорвал на куски.

Узнал амба вкус человеческой крови. Стал к стойбищу ходить. Пошли на его тропу другие охотники — сородичи Сольдиги, просили не трогать их, в другие места просили тигра уйти. Но амба не слушал их. Стал по ночам приходить — свиней, оленей, собачек таскать. Маленьких детей таскать стал! Чего уж хуже!..

Не стало отца — Эльге совсем плохо пришлось! Возненавидела её Пунинга. Стала работой девочку морить. Ходит Эльга за водой, моет крупу для каши, солит рыбу, сушит юколу для собачек, мнёт шкуры, вышивает мачехе халаты, таскает из тайги хворост для очага. А Пунинга целыми днями лежит на нарах, ест, спит, трубку курит, ничего сама не делает, всё кричит на Эльгу: «То подай, девчонка! Это подай!»

Знала Эльга, что старших слушаться надо, делала всё, что ей мачеха велела. Было ей очень

тяжело. Но Эльга терпела. Сама себя утешала — Вот вырасту — от мачехи уйду. Одна жить буду. Охотиться буду.

Не расставалась Эльга со своим копьём, потому что его отец сделал. Очень своего отца Эльга любила. Куда бы ни шла, копьё носила с собой.

Вот один раз послала мачеха Эльгу берёзовой коры надрать, чтобы новые чумашки сделать.

Пошла девочка в тайгу, отыскивала хорошую берёзу, сделала два надреза, стала кору драть. Вдруг слышит — кто-то спрашивает её грубым голосом:

— Эй! Что ты делаешь тут, девчонка? Чья ты?

Обернулась Эльга и увидела амбу — тигра. Уже давно у него плохая охота стала. Бока его ввалились от голода, был амба очень злой. Но Эльга не испугалась тигра. Ответила:

— Я дочь Сольдиги! А тебе что надо?

Говорит тигр:

— Растерзал я Сольдигу... и тебя теперь съем!

Закричала Эльга на тигра:

— Уходи прочь, вор!

Бросился тигр на Эльгу. А девочка — за берёзу. Наклонилась берёза, собой её заслонила. Из всей силы ударился тигр головой о берёзу и разбил себе голову.

Замахнулась на него Эльга копьём:

— Уходи, вор, а то плохо тебе будет!

Зарычал амба так, что с деревьев посыпались листья. Прыгнул опять. Тут две берёзы сомкнулись и зажали его. Застрял амба — никак вылезти не может. Как ни бился — не может выбраться из западни, так крепко сдавили его берёзы. Кинула Эльга в него копьё. Вошло копьё тигру в один глаз, вышло в другой. Ослепила Эльга амбу. Издох он.

Отрубила Эльга у тигра хвост полосатый, в сумочку свою положила и в стойбище пошла.

Видит — укладывают люди вещи во вьюки, разбирают юрты. Кочевать собрались, тигра боятся. Говорит Эльга:

— Куда вы? Не придёт больше амба!

— Что ты знаешь, девочка? — молвил самый старый удэ. — Куда тигр пришёл раз, придёт туда и в другой! Всем нам смерти не миновать!

Вынула Эльга из сумочки полосатый хвост тигра, старикам показала:

— Говорю, что больше амба сюда не придёт! Вот я у амбы хвост отрубила!

Испугались удэ.

— Что ты наделала, девочка! — закричали они. — Амбу нельзя убивать. Теперь его дух будет ходить в стойбище по ночам и всех нас погубит! Тайга придёт в наше стойбище, все тропинки зарастут травой! Болото покроет это место!

Говорит Эльга:

— Я знаю закон охотников. Я два раза просила амбу уйти. Он не послушал.

— Ну, тогда — другое дело, — говорят старики. — Амба сам виноват!

Откочёвывать удэ не стали. Стали девочку хвалить.

Обидно Пунинге, что не её хвалят. Совсем озлилась на Эльгу. Что ни сделает девочка, всё не может Пунинге угодить. Вымоет Эльга крупу, станет кашу варить — подойдёт мачеха, выбросит крупу, снова заставит мыть. Вышьет Эльга халат — мачехе не по нраву.

— Что ты делаешь, косорукая! — говорит она. — Разве так вышивают?! Распори всё, да заново сделай. Да покрасивее, да поярче, да позатейливей!

Билась, билась Эльга над одним халатом. Всё мачехе не нравится. Кричит Пунинга, ругается. Заплакала Эльга, из юрты на берег реки пришла, села там, где папоротники росли. Села и плачет. Зашумели папоротники, зашевелились. Один папоротник к Эльге свой завиток склонил, спрашивает:

— Что ты плачешь, маленькая?

Рассказала Эльга, как тяжело ей жить. Погладил её папоротник своими мохнатыми листьями по лицу, говорит:

— Не плачь, маленькая! Этому горю легко помочь! Мы тебе поможем!

Стал тут папоротник на помощь Эльге все цветы и травы созывать. Потянулись к халату всякие травы и цветы. Улеглись на него, завитками разными закрутились. И такой красивый узор на халате сделался, какого ещё ни разу Эльга не видала. Собрал тут папоротник все слёзы Эльги, окропил ими халат, и весь узор тот на халате остался. Говорит папоротник Эльге:

— Жалко мне тебя, Эльга. Так мачеха тебя обижает, столько плачешь ты, что твоими слёзами вся земля тут пропиталась, на твоих слёзах и мы выросли. Вот помогли мы тебе, чем могли...

Понесла Эльга халат в стойбище.

Жило там много хороших вышивальщиц. А увидели они узор на халате Эльги — от зависти и удивления рты раскрыли, да так и остались, пока из тайги охотники не пришли. Не было такого халата ещё никогда!

А Пунинга ещё больше озлилась на Эльгу.

— Хочу халат, шитый оленьей шерстью! — говорит она.

А дело было летом. В это время у оленей шерсть короткая. Откуда длинную шерсть для вышивания взять?

Походила Эльга по стойбищу, попросила у соседней, но никто выручить её не мог.

Села Эльга и заплакала опять. Стала перебирать свои игрушки, отца тёплым словом вспомнила и ещё пуще залилась слёзами. Вдруг игрушечный олень, которого Эльге отец сделал, говорит девочке:

— Не плачь, хозяйка! Этому горю можно помочь!

Встряхнулся олень. Маленькими ножками о пол топнул и стал расти. Рос, рос — большой вырос. Густой белой зимней шерстью оброс. Сбросил шерсть с себя. И опять маленьким стал.

Сделала Эльга новый халат. Все руки себе шерстью исколола. И опять мачехе не угодила.

Говорит Пунинга:

— Не ты это делаешь. Кто-то тебе помогает. Только зря всё это. Ты так не вышьешь, как я умею! Вот вышью я сама себе салат, тогда увидишь ты, как надо работать! Сбегай в стойбище у реки Анюй. Там моя бабушка живёт. Попроси у неё мою иголку! Да к утру, смотри, вернись!

А до стойбища на реке Анюй далеко, несколько дней добираться надо! Что делать Эльге? Опять она загрустила. Игрушки свои перебирает, тёплым словом отца вспоминает. Вдруг слышит голос:

— Не печалься, маленькая хозяйка! Мы-то на что?

Оглянулась Эльга. А перед ней целая упряжка собачек стоят. Двенадцать собачек, одна другой красивее. Пушистыми жостиками виляют. Тоненькими ножками постукивают. Шёрстка на них белая, глазки у них жёлтые, носики чёрные. Удивилась Эльга.

— Откуда вы? — собачек спрашивает.

А те в ответ:

— Разве ты не узнаёшь, Эльга? Сольдига сделал нас!

Посмотрела Эльга, а вместо игрушечных собачек живые стоят, настоящие. Услыхали они плач хозяйки и ожили.

Запрягла своих собачек Эльга в нарты, села. И помчались собачки вскачь! Лес не лес, река не река — летят напрямик! Девочка глаза закрыла. А собачки до облаков уже поднялись. Открыла Эльга глаза. Видит — светло кругом... Облака, будто гушистый снег, вокруг лежат. Взяла Эльга остол — погонич, стала править нартами.

— Тах, тах! — кричит. — Поть-поть-поть! Только клочья облаков летят из-под ног собачек. Не успела Эльга устать и замёрзнуть не успела, как до анюйского стойбища собачки её домчали!

Слезла Эльга с нарт. Бабушку Пунинги разыскала. Лежит старуха больная, неумытая, нечёсаная. Пожалела Эльга старого человека. Умыла, гребешком причесала, корешок женьшеня отыскала, бабушке пожевать дала. Съела бабка корешок, здоровой стала. Говорит Эльге:

— Спасибо тебе, девочка. Хорошая ты. Ты мне добро сделала. И я тебе добром отплачу. Не иголка моей внучке нужна, а гибель твоя. Дам я тебе иголку, только смотри: будешь иглу отдавать — ушком к себе держи.

...Солнце только-только из моря вылезло, а Эльга на своих собачках уже домой вернулась. Сидит мачеха злая-презлая.

— Ну, — говорит, — где моя иголка?

— Вот она, — говорит Эльга. — Вот иголка.

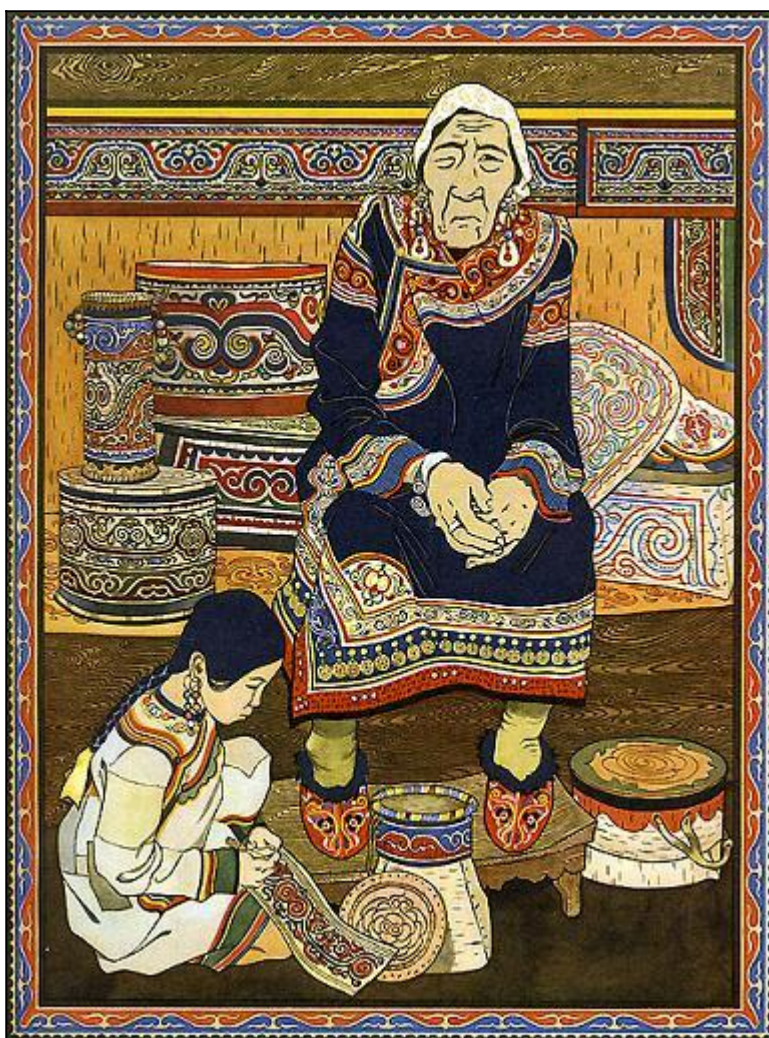
Стала она иголку мачехе отдавать.

Вспомнила, что старуха ей говорила. Повернула иголку ушком к себе, остриём к мачехе. А иголка оказалась непростая.

Только Пунинга её в руки взяла, как иголка между пальцами её принялась снова, прошила ей пальцы насквозь, друг к другу ей пальцы пришила. Как ни билась Пунинга, не могла палец от пальца отделить.

— Ну, перехитрила ты меня, девчонка! — говорит она Эльге.

Поняла тут она, кто Эльге помогает. Дождалась, когда Эльга уснула. Развела огонь в очаге. Побросала в огонь все игрушки, что Эльге отец сделал. Оленя бросила, собачек побросала. Стали

они гореть. Только одна собачка выскочила из огня, бросилась к Эльге. Носиком её толкнула, разбудила Эльгу.

— Беда, Эльга! Мачеха хочет всех нас убить! Бежим!

— Куда бежать? — спрашивает Эльга.

— Туда бежать, где мачехи нет, — отвечает собачка.

Выскочила Эльга из юрты, собачка — за ней.

Увидала Пунинга, погналась вслед.

В это время луна взошла. Лунная дорожка протянулась по реке. Побежали Эльга и собачка по той дорожке, словно по льду. Кинулась за ними и Пунинга. Только под ней та дорожка сломалась, злости её не выдержала. Упала мачеха. Схватила маленькое копьё Эльги. Метнула копьё вдогонку Эльге. Долетело копьё до дочки Сольдиги, говорит:

— Ну прощай, маленькая хозяйка! Теперь расстанемся мы!

Повернуло копьё обратно. Долетело до мачехи. Вошло ей в один глаз, вышло в другой — и в пыль разлетелось. Стали у Пунинги глаза большущие, как плоски. Замахала Пунинга руками, а они у неё крыльями стали. На ногах у мачехи длинные когти выросли. Стала мачеха совой пучеглазой. Хотела домой вернуться, да понесли её крылья в тайгу! Села мачеха на дерево и закричала:

— Пу-нин-га! Пу-нин-га!

Так сова и до сих пор кричит.

А Эльга с собачкой бежали, бежали по лунной дорожке и добежали до луны. Хотела девочка назад вернуться, а тут светать стало — исчезла та дорожка. И девочка с собачкой остались на луне.

Эльга под утро на землю сходит. Заходит во все жилища, ищет копьё Сольдиги, осматривает всё. Освещает оружие — нет ли там копья Сольдиги. И если заметит, что кто-нибудь из ребят спит со слёзами на глазах, Эльга вытирает слёзы и дарит хороший сон, чтобы обиду ребёнок забыл. Оттого ребята обиды не помнят.

Но когда сова в тайге закричит своё: «Пу-нин-га! Пу-нин-га!» — тогда Эльга быстро мчится обратно. Её можно увидеть, если ночью сразу раскрыть глаза, когда лунный свет коснётся их.

Иллюстрации: Г. Д. Павлишина